

Затем он, словно в шутку, улыбнулся уголком губ, глядя на него.

— Просто каждый день голова раскалывается, а тело словно пронзают тысячи стрел. Но я уже привык к этому, ничего особенного.

Гу Ицзюэ, услышав эти слова, почувствовал одновременно досаду и боль в сердце. Он знал, что Шаньюнь Чэнь не хочет его беспокоить, поэтому говорит так, словно это пустяк.

— Ты настоящий глупец!

С покрасневшими глазами он «ругал» его, а затем, подняв голову, нежно поцеловал его в уголок губ.

Шаньюнь Чэнь поднял правую руку, поддерживая его за шею, и углубил поцелуй...

Через некоторое время он, словно что-то обнаружив, оторвался от его губ, а Гу Ицзюэ уже был ошеломлен поцелуем, его взгляд стал мутным, в глазах горела сильная любовь, его выражение лица стало очень чувственным.

Но Шаньюнь Чэнь оторвался от его губ, и теперь он с недоумением смотрел на него.

Шаньюнь Чэнь, тяжело дыша, немного успокоился и хрипло произнес:

— Цзюээр, ты поранил ногу, я сначала перевяжу её...

Гу Ицзюэ замер, и только теперь, когда Шаньюнь Чэнь упомянул об этом, он почувствовал острую боль в ноге, которую раньше не замечал.

Стиснув губы, он позволил Шаньюнь Чэню уложить себя на кровать. Тот вышел из комнаты, но через мгновение вернулся с бинтами и лекарственной настойкой, присел перед ним на корточки и осторожно поднял его ногу, положив на своё колено.

— Фу-у-у...

Шаньюнь Чэнь наносил лекарство, но, боясь, что Гу Ицзюэ почувствует боль, осторожно дул на рану, его движения были очень нежными.

Гу Ицзюэ, наблюдая за его действиями, слегка улыбнулся уголком губ, его взгляд был полон нежности.

Шаньюнь Чэнь быстро перевязал его ногу, после чего они оба легли на кровать, глядя друг на друга.

Гу Ицзюэ внезапно поднялся, опершись на руки, и перевалился через Шаньюнь Чэня, наклонившись для поцелуя.

Шаньюнь Чэнь на мгновение замер, затем обнял его за талию и закрыл глаза, наслаждаясь этой сладостью.

Цзюээр, я люблю тебя.

Хотя он и не сказал Гу Ицзюэ о другой цене, которую заплатил, это уже не имело значения. Сказать об этом означало бы только огорчить его еще больше. Если возможно... он хотел бы, чтобы Гу Ицзюэ ничего не знал, и все страдания пали только на него одного.

...

На следующий день, когда Гу Ицзюэ проснулся, он увидел, что Шанъюнь Чэнь смотрит на него с покрасневшими глазами и обиженным выражением лица.

Гу Ицзюэ с недоумением посмотрел на него, а Шанъюнь Чэнь, надув губы, жалобно произнес:

— Цзюэ-гэ... Мне так плохо.

Гу Ицзюэ, услышав это, встревожился, быстро поднялся и приложил руку ко лбу Шанъюнь Чэня...

Какой жар!

Он тут же встал, позвал слугу и велел ему сходить в аптеку за лекарствами, сам же набрал таз с холодной водой, затем положил ткань на лоб Шанъюнь Чэня, чтобы охладить его.

К полудню жар у Шанъюнь Чэня наконец спал, Гу Ицзюэ сидел у кровати и, как ребенка, похлопывал его по спине, убаюкивая. Но Шанъюнь Чэнь, казалось, стал еще более зависимым от него... даже во сне он крепко держал его руку, не желая отпустить.

Вскоре у двери неожиданно появился Ань И, он принес хорошие новости.

Гу Ицзюэ, боясь разбудить Шанъюнь Чэня, остановил Ань И жестом, прежде чем тот успел заговорить, затем нежно поцеловал Шанъюнь Чэня в лоб и медленно высвободил свою руку.

Они вышли во двор гостиницы, и только тогда Ань И с волнением доложил Гу Ицзюэ:

— Ваше Высочество, Князь Му нашел некоторые зацепки о Белом лисе, это сообщение, которое он прислал.

Ань И передал письмо Гу Ицзюэ. Тот, открыв его, сразу же нахмурился.

— Префект Лу! Похоже... в прошлый раз мы зря не разобрались с ним сразу.

Ань И тоже нахмурился: ведь когда они уезжали из Чэнъяня, он уже отправил письмо в столицу Чжоу, приказав губернатору провести расследование, но тот остался цел и невредим. Поэтому в последние дни он тоже расследовал действия префекта Лу и узнал, что Канцлер Чэнь вмешался и прикрыл это дело.

— Ваше Высочество, префект Лу смог безнаказанно творить в Чэнъяне свои дела только благодаря поддержке Канцлера Чэня.

Гу Ицзюэ, слушая слова Ань И, молчал, затем повернулся к нему и слегка улыбнулся уголком губ.

— Префект Лу, узнав, что я — «Князь, равный императору», все же осмелился пойти на убийство свидетелей. Это говорит о его жестокости. Теперь, когда этот бездельник мертв, префект Лу ради мести пойдет на все. Если бы ты был на его месте... что бы ты сделал, узнав, что нам нужен Белый лис?

Ань И немного подумал, затем его осенило, и он сразу же ответил:

— Распустить слухи, чтобы заманить врага в ловушку!

Гу Ицзюэ приподнял бровь и кивнул, продолжая:

— Верно, но чтобы он не распространил ложные сведения, местонахождение Белого лиса все же нужно проверить.

— Да!

...

Полночь.

Бай Сюнь стоял во дворе, сложив руки за спину, и смотрел на луну. В его глазах читалось облегчение... и скорбь. Он словно о чем-то размышлял, но через некоторое время вдруг нахмурился, схватился за грудь, и кровь, подступившая к горлу, не смогла сдержаться, медленно потекла из уголка его рта.

В этот момент Чжао Цзиньмин вошел во двор. Бай Сюнь тут же поднял руку, вытер кровь с губ и повернулся к нему.

— Прошло уже четыре дня, завтра, надеюсь, ты сдержишь слово и отпустишь меня из резиденции канцлера.

Бай Сюнь, услышав это, слегка улыбнулся уголком губ, долго смотрел на него, но не ответил. Он медленно поднял руку, чтобы коснуться лица Чжао Цзиньмина, но тот отвернулся.

— Хе-хе, в конце концов... Ладно, возьми это, впредь только Император сможет отдавать им приказы.

Бай Сюнь снял с пояса жетон и передал его Чжао Цзиньмину.

Чжао Цзиньмин, глядя на жетон, слегка нахмурился. Он уже был удивлен тем, что Бай Сюнь согласился отпустить его, но не ожидал, что тот действительно готов отдать все свои силы...

— Ты... не пожалеешь? Не боишься, что я убью тебя?

Бай Сюнь смотрел на него с глубокой любовью в глазах. Услышав его слова, он слегка наклонился и с нежностью улыбнулся ему.

— Боюсь? Ваше Величество ненавидит меня, а сейчас задает такой вопрос... Неужели вам стало жаль?

Чжао Цзиньмин, услышав это, тут же взял жетон и отступил на шаг, увеличив расстояние между ними. Его взгляд выражал смущение, он холодно ответил:

— В таком случае, канцлеру лучше отдохнуть, я тоже устал.

С этими словами он повернулся и вернулся в свою комнату.

Бай Сюнь смотрел на его удаляющуюся спину, протянул руку, словно хотел что-то ухватить... но в итоге это оказалось пустым жестом.

Он горько усмехнулся... В эти дни он сдерживал своё сердце, относился к А Миню с нежностью, даже видя, как тот проявляет близость к другим, он, несмотря на зависть и ревность в сердце... больше не был таким одержимым, как раньше.

Раньше он жаждал получить то, что другим доставалось так легко, это сводило его с ума от зависти, он постоянно хотел запереть его рядом, но только отталкивал все дальше...

Возможно, он наконец понял, как его любить, или, может быть, это наказание за все совершенные им злодеяния. Он понял это слишком поздно... Он лишь надеялся, что в свои последние моменты сможет исполнить желание А Миня.

На следующее утро Бай Сюнь постучал в дверь комнаты Чжао Цзиньмина и, встретив его недоумевающий взгляд, улыбнулся.

— А Минь, я отведу тебя в одно место.

Чжао Цзиньмин, хотя и был немного удивлен, все же кивнул.

Тогда Бай Сюнь протянул руку, взял его за руку и вывел из резиденции канцлера. Он привел Чжао Цзиньмина на гору Синьхуай, затем помог ему сойти с лошади и вместе с ним сел на вершине, глядя вдаль.

Они смотрели, как облака окутывают гору, собираются и клубятся, постепенно превращаясь в величественное море облаков.

В этот момент Бай Сюнь повернулся к Чжао Цзиньмину, его взгляд был полон нежности, он тихо произнес:

— Я «впервые» увидел тебя на горе Синьхуай, тогда ты улыбнулся кому-то рядом, и эта улыбка глубоко запала мне в сердце...

Чжао Цзиньмин, слушая его, молчал, но почему-то внутри почувствовал сильную боль.

Тогда Бай Сюнь продолжил:

— Во второй раз это было во дворце, на праздновании дня рождения Императрицы. После банкета ты, выпив слишком много, шатаясь подошел ко мне... и упал мне в объятия. Это был единственный раз, когда ты улыбнулся мне... но я был бесконечно счастлив.

Чжао Цзиньмин, услышав это, слабо улыбнулся, немного помолчал, а затем медленно произнес:

— А Сюнь, ты ошибся... Впервые мы встретились в детстве, когда тебя обижали во дворце, и я тебя спас.

Бай Сюнь, услышав, как он так его называет, его карие глаза наполнились болью и страстью. Он с покрасневшими глазами смотрел на Чжао Цзиньмина, его голос слегка дрожал.

— А Минь...

Затем Чжао Цзиньмин внезапно повернулся, его лицо исказилось от ярости.

— Но ты оплатил злом за добро, заключил меня под стражу, унизил меня!

Бай Сюнь замер. Он с трудом сдерживал физический дискомфорт, слегка нахмурился, посмотрел вперед и горько усмехнулся, но вдруг тихо засмеялся.

<http://bllate.org/book/16439/1490398>